



ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. Г. ЛЕВИН

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ К. М. БЭРА

Имя Карла Максимовича Бэра стоит в ряду имен крупнейших естествоиспытателей первой половины XIX в. Научная деятельность его была исключительно многообразной, литературное наследство огромно. Бэр, заложивший основу учения о зародышевых листках, первый открывший спинную струну, или хорду, у позвоночных животных, первый открывший яйцо у млекопитающих, по праву считается основоположником современной эмбриологии.

Дарвин называет Бэра в числе своих предшественников, развивших идею об эволюции животного мира. Но «великий естествоиспытатель», как назвал Бэра акад. В. И. Вернадский¹, был не только биологом. Значительны его заслуги и в целом ряде других наук. «Законом Бэра» названо в географической науке данное им объяснение асимметрии берегов рек, текущих по направлению меридиана, — связь этого явления с вращением земли. Большое значение для развития географической науки в нашей стране имели различные экспедиции Бэра — на Новую Землю, в Лапландию, на Каспийское море и другие. Бэр — выдающийся ихтиолог, много сделавший для развития практической ихтиологии в России. Бэр — автор многих географических работ, один из организаторов Русского географического общества, первый председатель его этнографического отделения.

Бэр был одним из крупнейших антропологов своего времени, одним из зачинателей антропологии в России. Ему принадлежит, наконец, целый ряд работ по этнографии и археологии.

О Бэре написано много и в разное время. Имеются подробные биографии Бэра, где изложены его научная деятельность и основные этапы его жизненного пути². Более или менее подробно изложены в них работы Бэра в области эмбриологии, зоологии, географии.

Деятельность Бэра как антрополога освещена еще недостаточно.

¹ В. И. Вернадский, Памяти академика К. М. фон Бэра. Первый сборник памяти Бэра, Академия наук СССР, Труды комиссии по истории знаний, Л., 1927, стр. 9.

² Библиографический список сочинений о Бэре на русском языке приложен к русскому переводу автобиографии Бэра (Академик К. М. Бэр. Автобиография. Редакция академика Е. Н. Павловского. Перевод и комментарии профессора Б. Е. Райкова. Изд-во АН СССР, 1950). Из старых работ следует отметить очерк проф. Холодковского (Н. А. Холодковский, Карл Бэр. Его жизнь и научная деятельность. Биографический очерк, Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова, СПб., 1893. Имеется 2-е издание, Берлин, 1923), из новых — работы проф. Райкова (Б. Е. Райков, Карл Максимович Бэр, в книге: «Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России», т. II,

I

К. М. Бэр родился 17 (28) февраля 1792 г. в бывшей Эстляндской губернии. В 1814 г. он окончил медицинский факультет Дерптского университета (ныне университет в Тарту). После окончания университета Бэр три года провел в Австрии и Германии, где изучал естественные науки, увлекся зоологией, сравнительной анатомией и оставил медицину, чтобы посвятить себя дальнейшей научной деятельности в этих областях. С 1817 г. Бэр поселился в Кенигсберге, куда был приглашен для преподавания по кафедре анатомии и физиологии человека известным физиологом Бурдахом. В Кенигсберге он ведет различные исследования по эмбриологии, зоологии и анатомии, много сил отдает организации зоологического музея, читает в университете различные курсы по зоологии и анатомии, выступает с докладами в научных обществах. В 1826 г. Бэр был утвержден профессором анатомии и директором анатомического института, в организацию которого вложил немало труда³. К кенигсбергскому периоду деятельности Бэра (1817—1834) относятся его известные работы по эмбриологии. Помимо эмбриологии и зоологии, Бэр уже в это время интересовался антропологией и популяризировал ее в многочисленных лекциях и докладах. В 1824 г. он опубликовал в Кенигсберге свои лекции по антропологии — популярную книгу для самообразования, которую он написал по просьбе своих слушателей⁴. Эта работа была задумана Бэром в трех частях. Из них была напечатана только первая часть — антропография, содержащая изложение основ анатомии и физиологии человека. Вторая часть — антропология — должна была быть посвящена сравнению человека с животными и его положению в системе животного мира. Третья часть — антропосторно — Бэр предпологал, как он пишет об этом в своей первой лекции, посвятить описанию различий внутри человечества, вопросу о видовом единстве человека, о подразделениях внутри вида, о влиянии климатических факторов и условий жизни на строение человека и о его постепенных изменениях под действием культуры. К сожалению, две эти части так и не увидели света⁵.

В Кенигсберге Бэр принимает живейшее участие в деятельности существовавших там научных обществ⁶, выступает на заседаниях этих обществ с многочисленными докладами, в том числе и с докладами по вопросам антропологии и этнографии. Таковы его доклады: «Развитие общественной жизни народа; жизнь человечества в сравнении с изменением индивидуумов»⁷. «О происхождении и распространении человеческих рас»⁸. Последний доклад представляет для нас особый интерес⁹. В нем

Изд-во АН СССР, 1951, стр. 9—150; его же, К. М. Бэр, в книге: «Предшественники Дарвина в России. Из истории русского естествознания». АН СССР, Научно-попул. серия, 1951, стр. 35—54; его же, О жизни и научной деятельности К. М. Бэра, в книге: К. М. Бэр. О развитии животных, Изд. АН СССР, 1950). Из биографических работ о Бэре на иностранных языках укажем книгу дерптского антрополога проф. Штида: «Karl Ernst von Beer. Eine biographische Skizze». Von Dr. Ludwig Stieda, Professor der Anatomie in Dorpat, Braunschweig, 1878.

³ Об этих годах Бэр подробно пишет в своей автобиографии.

⁴ «Vorlesungen über Anthropologie, für den Selbstunterricht bearbeitet», von Dr. Karl Ernst von Baer. Erster Theil, Königsberg, 1824.

⁵ О содержании этих лекций Бэр пишет в своей «Автобиографии» (русский перевод, стр. 294—298). Среди рукописей Бэра, находящихся в Архиве Академии наук СССР, сохранились черновые материалы ко 2-й части курса (ф. 129, № 232).

⁶ О деятельности этих обществ, об их составе, программе и нравах Бэр с большим юмором пишет в своей «Автобиографии» (стр. 253—254).

⁷ «Entwicklung des allgemeinen Volkslebens; das Leben der Menschheit verglichen mit individuellen Metamorphosen» (доложено, как сообщает биограф Бэра проф. Штида, в Медицинском обществе Кенигсберга в 1820 г.).

⁸ «Ueber Ursprung und Verbreitung der Menschensstämme» (доложено, как сообщает проф. Штида, в Медицинском обществе в 1822 г.). Бэр избегает термина «Rasse» и обозначает «расы» словом «Stämme».

⁹ Большая часть ранних докладов Бэра не была опубликована. Б. Е. Райков, подробно изучивший рукописное наследство Бэра, хранящееся в Архиве Академии

изложены взгляды Бэра как по вопросу о возникновении человеческих рас, так и по вопросу о происхождении человека.

Рассматривая вопрос о возникновении человеческих рас, Бэр высказывается в пользу их общего происхождения; он подчеркивает значение географических условий, климата как для происхождения физических различий между племенами, так и для развития культуры. Здесь кратко сформулированы положения, которые Бэр позднее развивал в целом ряде своих работ.

Следует упомянуть и другие доклады, прочитанные Бэром в Кенигсберге в 20-х годах: «О развитии жизни на земле» (1822), «О родстве животных» (1825)¹⁰.

Антропологические и этнографические работы Бэра, относящиеся к кенигсбергскому периоду его жизни, остались большей частью неопубликованными. Многие статьи Бэра, напечатанные в местных труднодоступных изданиях, также оказались, к сожалению, в значительной степени потерянными для науки¹¹.

В 1834 г. Бэр оставил Кенигсберг и переехал в Петербург; там протекала почти вся его дальнейшая деятельность (до 1867 г., когда престарелый ученый удалился на покой в Дерпт — свой родной университетский город, где он и скончался 16 (28) ноября 1876 г.).

Если до переезда в Петербург Бэр занимался в основном, как указывалось, эмбриологическими и зоологическими исследованиями, то в Петербургской Академии он сосредоточил свою деятельность в других областях знания. Здесь он осуществляет свои давние намерения и совершает в разные годы ряд экспедиций. Первой из них была экспедиция на Новую Землю в 1837 г., доставившая первые научные сведения о климате, растительности, животном мире этого тогда совершенно неизученного острова. В 1840 г. Бэр вместе с А. Ф. Миддендорфом — будущим прославленным путешественником по Сибири — совершил путешествие по Кольскому полуострову. Затем следует ряд других поездок, среди которых получили особенно большую известность экспедиции на Волгу и Каспийское море в 1853, 1854, 1855--1857 гг. для изучения рыболовства. Свои экспедиционные исследования Бэр всегда стремился связать с практическими нуждами страны, видел важнейшую их цель в изучении естественных богатств России и сам очень много сделал, в частности, для развития промышленного рыболовства. Многим обязана Академия наук Бэру в организации экспедиций Кастрена, Л. Шренка и особенно сибирской экспедиции А. Ф. Миддендорфа, которая «была организована при живейшем участии и огромном напряжении воли и мысли Карла Максимовича Бэра»¹².

В 1841—1852 гг. Бэр состоял профессором сравнительной анатомии и физиологии Медико-хирургической академии¹³.

В 1842 г. Бэр становится во главе анатомического кабинета Академии наук. Этот кабинет, куда была передана из Зоологического музея неболь-

наук СССР, обнаружил рукописи некоторых докладов и излагает их в своем очерке о Бэре (в книге «Русские биологи-эволюционисты до Дарвина», т. II). Содержание рукописи «Ueber Ursprung und Verbreitung der Menschenstämme» (Архив АН СССР, ф. 129, № 231) приводится нами по работе Б. Е. Райкова.

¹⁰ Рукописи этих докладов («Ueber Entwicklung des Lebens auf der Erde», «Ueber die Verwandtschaften der Thiere») также впервые обнаружены проф. Райковым и изложены им в указанной выше работе.

¹¹ Проф. Штида упоминает опубликованные в «Königsberger Zeitung» заметки Бэра: «Ueber Albinos» (1821) и «Ueber die Botokuden» (1827, Beilage zu № 76).

¹² В. И. Вернадский, Указ. раб., стр. 7.

¹³ Деятельность Бэра в Медико-хирургической академии подробно освещена в книге акад. Е. Н. Павловского «Акад. К. М. Бэр и Медико-хирургическая академия», Изд. АН СССР, 1948.

шая краниологическая коллекция, где хранились знаменитая петровская коллекция уродов и анатомические препараты, приобретенные Петром Первым у голландского анатома Рюйша, становится благодаря Бэру основой будущего крупного антропологического музея¹⁴. В течение многих лет Бэр руководил этим кабинетом и отдал много сил пополнению и систематизации в первую очередь его краниологических коллекций. «Несомненно,— писал Бэр,— нет ни одного государства, для которого богатое краниологическое собрание имело бы такой интерес и было бы так важно и необходимо, как для России»¹⁵.

Уже в программе, составленной Бэром для экспедиции Кастрена в 1844 г., он указывает на необходимость использовать поездку Кастрена в Сибирь для собирания данных по физической антропологии, особенно для сбора черепов разных этнических групп. Эти данные по антропологии, указывает Бэр, будут важны и для исследований Кастрена по лингвистике и этнографии¹⁶. Серии современных черепов, писал Бэр, совершенно необходимы для понимания древних черепов. Нельзя ждать от краниологических исследований немедленных результатов, быстрых выводов, но они важны; надо энергично собирать материал, накапливать данные. Бэр вызывает к патристическому чувству русских врачей и естествоиспытателей и призывает их собирать и направлять в Академию коллекции черепов¹⁷. Он неоднократно публиковал отчеты о состоянии анатомического музея, имея в виду привлечь внимание к сбору краниологических коллекций¹⁸.

Когда перед Бэром, как заведующим анатомическим музеем, встала задача систематизации краниологических коллекций, он подошел к этому не как к частному вопросу музейной экспозиции, но связал его с рассмотрением общих теоретических вопросов антропологии. Бэр возражает против группировки черепов только по их морфологическим особенностям, отвергает принцип систематизации черепов по заранее выделенным основным расовым типам и отдает предпочтение размещению материалов по географическому принципу. Блуменбаховская классификация — деление на 5 основных рас — устарела, пишет Бэр. Классификация американских антропологов Мортон и его последователей произвольна и берет за исходное то, что само по себе требует доказательств и длительного изучения. Морфологический принцип имеет свои достоинства, деление на долихо- и брахикефалов, ортогнат и прогнатов существенно, но нельзя по этим особенностям судить о родстве народов. Черепной и высотно-продольный указатели шведов и тунгусов сходны, и этот пример

¹⁴ История анатомического кабинета подробно изложена Бэром в его докладе, прочитанном в заседании Физико-математического отделения Академии 20 сентября и 18 октября 1850 г. «Ueber den jetzigen Zustand und die Geschichte des Anatomischen Cabinets der Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg». Впервые полностью опубликован в «Сборнике Музея антропологии и этнографии», I, 1900, стр. 111—152.

¹⁵ «Nachrichten über die ethnographisch-craniologische Sammlung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg»; von dem Akademiker v. Baer (Lu le 11 juin 1858), «Bull. de la classe physico-mathématique de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», т. XVII, № 12, 13, 14, 1859, пол. 177.

¹⁶ «Nachträgliche Instruction für Herrn Magister Castren» von K. E. v. Baer, «Bull. de la classe physico-mathématique de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», т. III, № 5 (53), стр. 79—80.

¹⁷ Бэр с сожалением говорит о том, что черепа из России передавались в свое время заграничным музеям. Он вспоминает о своей встрече в 1828 г. в Берлине с доктором Реманом, который, собрав в России черепа, передал их Берлинскому анатомическому музею. Уже тогда Бэр упрекал Ремана в том, что он не оставил черепа в русском музее, где так желательно развивать краниологическое собрание («Nachrichten über die ethnographisch-craniologische Sammlung...», стр. 184).

¹⁸ «Bericht über die neuesten Aquisitionen der craniologischen Sammlung», «Bull. de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», т. I, стр. 339—346; «Bericht über die craniologische Sammlung der Akademie in den Jahren 1860 u. 1861», там же, т. V, стр. 67—71 и др.

служит доказательством того, что по форме черепа нельзя судить о происхождении. Классификация по языку не совпадает с делением людей по их физическим особенностям, сходство языков не может служить мериллом сходства по физическому строению. Как раз краниологические материалы, замечает Бэр, показывают, что языки могут заимствоваться народами разного происхождения путем смешений, о которых можно и не сохранять никаких исторических свидетельств¹⁹.

В процессе изучения краниологических собраний музея Бэр опубликовал ряд краниологических работ. Первая его работа на эту тему относится к 1844 г. и посвящена описанию карагасского черепа сравнительно с самоедским черепом²⁰. Это не только первая в России, но несомненно одна из первых в антропологической литературе краниологическая работа, в которой с такой полнотой поставлены многие методические и общие вопросы антропологии. В распоряжении Бэра были один карагасский череп, один самоедский череп и 9 черепов бурят. Бэр, подробно описывая эти черепа, не ограничивается отдельными размерами их, но приводит детальную характеристику особенностей мозгового и лицевого черепа. На карагасском и самоедском черепах указывает Бэр, лицо плоское, межорбитное расстояние больше, носовые кости более уплощены, чем на черепах бурят. На бурятских черепах наибольшая ширина черепа лежит высоко, иногда в области теменных бугров, на карагасском и самоедском черепах — много ниже, над наружным слуховым проходом; на карагасском и самоедском черепах слабо развиты сосцевидные отростки, очень мелкая клыковая ямка (*fovea maxillaris*) и т. д. В целом карагасский череп более сходен с самоедским, заключает Бэр, чем с бурятскими²¹.

Сравнивая самоедов и лопарей (Бэр лично наблюдал и тех и других в своих экспедициях), он подчеркивает различия в их антропологическом типе и возражает против взгляда Blumenbacha, который финнов причислял к монгольской расе.

К 1859 г. относится статья Бэра «О папуасах и альфурах», в которой подробно изложены его взгляды по вопросу о происхождении человеческих рас. Эта статья опубликована в качестве приложения к большой краниологической работе Бэра, посвященной описанию ряда черепов из антропологического собрания Академии²². В ней приведены измерения черепов папуасов, альфуров, калмыков, китайцев, алеутов и конягов — жителей о-ва Кодьяк. К работе приложены таблицы с изображением в натуральную величину черепов в трех нормах: сбоку, спереди и сверху.

В 1860 г. Бэр опубликовал работу о «макрокефалах на территории Крыма и Австрии»²³. Описывая добытый раскопками в Крыму около

¹⁹ «Nachrichten über die ethnographisch-craniologische Sammlung...», стр. 191—192, 201—202.

²⁰ «Vergleichung eines von Herrn Obrist Hoffmann mitgebrachten Karagasen-Schädels mit dem von Herrn Dr. Ruprecht mitgebrachten Samoyeden-Schädels»; vom Akademiker, von Baer (Lu le 31 mai 1844), «Bull. de la classe physico-mathématique de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», т. III, № 12 (60), стр. 178—187.

²¹ К сожалению, описанный Бэром карагасский череп и в наше время остается едва ли не единственным в музейных собраниях. Призыв Бэра к собиранию черепов звучит очень актуально и сейчас. Нельзя без огорчения писать о том, что в наших собраниях отсутствуют краниологические серии из самых разных областей страны.

²² «Crania selecta ex thesauris anthropologicis Academiae Imperialis Petropolitanae iconibus et descriptionibus illustravit C. E. de Baer». Academiae sociens (Lu le 18 Mars 1859), «Mém. de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», VI-me Série, Sciences naturelles, т. VIII, 1859, стр. 243—268. Приложение к ней: «Über Papuas und Alfuren». Ein Commentar zu den beiden ersten Abschnitten der Abhandlung *Crania selecta ex thesauris anthropologicis Academiae imperialis Petropolitanae*, von K. E. Baer (Lu le 8 avril 1859), стр. 271—346.

²³ «Die Makrocephalen im Boden der Krym und Oesterreichs verglichen mit der Bildungsabweichung welche Blumenbach macrocephalus genannt hat». Von dem Akademiker K. E. v. Baer, «Mém. de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», VII-me Série, т. II, № 6, 1860, стр. 80 + 3 табл.

Керчи череп, Бэр подробно рассматривает вопрос о деформированных черепах. Та форма черепа, которая была под названием *tasgoserphalus* описана Блуменбахом, является, как указывает Бэр, естественной деформацией, вызванной преждевременным срастанием теменных костей. От этих черепов, которые Бэр обозначает термином *scaphoserphalus*, следует отличать искусственно деформированные черепа. Помимо черепа из Крыма, Бэр располагал слепком деформированного черепа, найденного в Австрии и фигурировавшего под названием «аварского». Бэр подробнейшим образом излагает сообщения античных авторов, приходит к выводу об идентичности искусственно деформированных черепов Крыма и «макрокефалов» Гиппократов, рассматривает вопрос об этнической принадлежности деформированных черепов, о возможности приписать их гуннам, аварам²⁴, обнаруживая в этой работе тот глубокий интерес к историческим вопросам, который характерен для всех его антропологических исследований.

Статья Бэра о макрокефалах столь же антропологическая, сколь и историко-этнографическая работа.

Такой же характер имеют и работы Бэра «О черепах ретийских романцев»²⁵ и «О древнем черепе из Мекленбурга»²⁶.

В 1858 г. Бэр принимал участие в съезде естествоиспытателей и врачей в Карлсруэ и специально занимался исследованием черепов в Базельском музее. Статья «О черепах ретийских романцев» — результат этих крашноологических исследований.

В середине прошлого века антропология вступила в первый этап своего развития в качестве самостоятельной дисциплины. Это было время, когда делались первые попытки применить в антропологии научно разработанные измерительные методы исследования, когда после работ Ретциуса, живилость, был найден ключ к научной классификации человечества и в форме черепа делении на долихо- и брахикефалов — видели основной прием такой классификации. Это было время, когда молодая наука выступала со смелыми притязаниями на решающую роль в изучении всего комплекса проблем о человеке и его культуре, когда в научном мире дебатировался вопрос о том, «кому преобладать и кому вершить здание науки о человеке — антропологии ли или этнографии»²⁷.

В эти годы мысль Бэра о том, что классификации людей по языку и по их антропологическому типу не совпадают, что в пределах родственных по языку групп могут наблюдаться большие различия в физическом строении (см. выше, стр. 110—111), звучала смело и, мы бы сказали, даже некоторым диссонансом. Но развивая эту мысль, Бэр и сам не был здесь достаточно последователен, отдавал дань своему веку. Он разделял мнение о том, что для народов так называемой индогерманской группы якобы изначально характерна долихокефалия и что там, где встречается иная форма головы, следует предполагать смешение с другими народами, с более древними племенами Европы. Рассмотрению этого вопроса и посвящена статья «О черепах ретийских романцев». Исследованные Бэром в Базельском музее черепа руманшей оказались брахикефальны-

²⁴ Вопрос этот Бэр оставляет открытым, обнаруживая здесь свойственную ему осторожность в научных выводах, недостаточно подкрепленных фактическим материалом.

²⁵ «О черепах ретийских романцев», академика К. М. Бэра. Записки Академии наук, т. 1, кн. 1, СПб., 1862, стр. 162—185; то же на немецком языке: «Ueber den Schädelbau der Rhätischen Romanen», «Bull. de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», т. 1, стр. 37—60.

²⁶ «Ueber einen alten Schädel aus Mecklenburg, der als von einem dortigen Wenden oder Obotriten stammend betrachtet wird, und seine Aehnlichkeit mit Schädel der nordischen Bronzeperiode», там же, т. VI, пол. 346—363.

²⁷ Анатолий Богданов. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии, «Изв. Об-ва любителей естествознания», т. IV, М., 1867, стр. 3.

ми, и в этом Бэр усматривал доказательство того, что население Европы до вторжения индогерманских народов характеризовалось брахикефалией. Она сохранилась у современных руманшей, которые представляли собой остатки этого древнего населения, уцелевшего в горных районах. К этому вопросу Бэр снова возвращается в своей статье «О древнем черепе из Мекленбурга», посвященной теме о древнем краниологическом типе славян²⁸. В этой статье Бэр касается и некоторых общих вопросов антропологии: о возникновении расовых особенностей, о расовых классификациях, о влиянии условий жизни в горах на форму головы и др.

Последняя по времени краниологическая работа Бэра посвящена описанию древних черепов из погребения «скифского короля» у Александрополя Екатеринославской губернии. В этой работе интересно заключение Бэра о том, что черепа скифов, несмотря на брахикефалию (брахикефалия считалась тогда характерной особенностью монгольской расы), не обладают монгольскими чертами в строении лица²⁹.

Краниологические работы Бэра представляют для нас преимущественно исторический интерес, однако в свое время они составили важный этап в развитии краниологии³⁰.

Говоря об антропологических работах Бэра, следует специально остановиться на его заслугах в разработке программы и методики антропологических, в первую очередь краниологических, исследований. Бэр по праву должен считаться пионером в этой области. Уже в своей работе о карагасском черепе (1844) он уделяет внимание методическим вопросам. Подробнее он останавливается на этом в указанной выше статье об этнографическом и краниологическом собрании Академии (1859). Бэр указывает на необходимость выработать единые принципы измерений, выбрать исходную горизонтальную плоскость и выступает с предложением обсудить эти вопросы на конгрессе антропологов. Эту идею Бэр и осуществил позднее, выступив инициатором собрания антропологов в Геттингене. Съезд в Геттингене состоялся в сентябре 1861 г. Геттинген был выбран местом встречи как город, где жил и работал Блуменбах. Это был, как пишет Бэр в своей автобиографии, «съезд нескольких лично знакомых друг другу естествоиспытателей в Геттингене для совместной выработки согласованных приемов описания человеческих черепов различных народностей». В заседании 25 сентября Бэр выступил с докладом, посвященным методике измерения и описания черепа, изложив приемы, использованные им в его краниологических работах. Мы опускаем описание приемов измерений и перечисление тех размеров, которые предложены Бэром, так как это представляет в настоящее время лишь узко специальный интерес. Отметим только, что большое внимание Бэр уделяет, помимо измерений, описанию различных особенностей черепа. В качестве основной горизонтальной плоскости (в которой следует давать изображе-

²⁸ Бэр был пионером в изучении антропологического типа курганного населения России. Взгляды Бэра по этим вопросам подробно рассмотрены А. П. Богдановым в его известной работе по антропологии курганного периода (указ. выше). Богданов высоко ценил работы Бэра — этого «мощного авторитета в антропологии», как он его называл, и следовал в методике в основном за Бэром.

²⁹ «Description des crânes trouvés dans le tumulus d'Alexandropol», «Recueil d'Antiquités de la Scythie», St. Pétersbourg, 1866, стр. I—XVI. См. также: «Beschreibung der Schädel, welche aus dem Grabhügel eines skythischen Königs ausgegraben sind», «Archiv für Anthropologie», Bd. X, 1877, стр. 215—231.

³⁰ В Архиве Академии наук СССР хранятся многочисленные черновые материалы Бэра по краниологии (измерения черепов различных народов, заметки, выписки из литературных источников и др., ф. 129, № 239, 240, 241, 242, 243, 258). Б. Е. Райков упоминает хранящуюся в Архиве Академии рукопись Бэра «Сравнительная краниология». Эта работа (ф. 129, № 244), написанная на русском языке (на 31 листе), представляет собой краткое изложение материалов по сравнительной анатомии черепа человека и других позвоночных.

ние черепов) он предлагает плоскость, проходящую через верхний край скуловой дуги. Бэр предлагает рассматривать череп в пяти различных нормах (сзади — норма occipitalis, сверху — норма verticalis, спереди норма frontalis, сбоку — норма lateralis и с основания — норма basilaris) и определять в этих нормах форму черепа — прием, широко применяемый в современной краниологии. Описывая приемы измерения и описания мозгового и лицевого черепа, Бэр очень тонко отмечает существующие расовые различия, расовые особенности тех или других признаков. Бэр указывает также на необходимость унифицировать определение других антропологических признаков. Надо договориться, пишет он, об определении цвета кожи, формы волос, надо составить таблицу окраски, чтобы избежать разнобоя в характеристике, которую дают разные путешественники, надо собирать образцы волос, надо выработать единую терминологию. Эти предложения, сделанные более 90 лет назад, послужили исходным пунктом для выработки современной антропологической методики, к сожалению, все еще не разрешившей полностью требования Бэра об унификации приемов исследования. Труды Геттингенского совещания были подготовлены к печати Бэром и вышли уже в том же 1861 году. В послесловии к этому изданию Бэр писал: «Изучение деталей вариаций имеет несомненно свои большие трудности вследствие изменчивости, которую мы находим повсюду. Но все, что изменяется в пространстве или времени, может быть правильно познано только путем средних арифметических величин. Не избежать поэтому процедуры педантичных измерений..., но я ни в коем случае не рассматриваю измерения как единственно пригодный прием определения вариаций»³¹.

Так один из основателей краниологической измерительной техники предостерегал против увлечения множеством неоправданных измерений, увлечения, которым немало грешит современная зарубежная антропология.

Бэр постоянно интересовался тератологией и ряд своих статей посвятил описанию различных врожденных уродств у животных и человека. Еще в бытность Бэра профессором Кенигсбергского университета под его руководством был выполнен ряд диссертаций анатомического характера, в том числе и работы по тератологии³², несколько работ на эти темы было опубликовано тогда и самим Бэром. Статьи Бэра по тератологии помещены в разные годы в изданиях Петербургской Академии наук³³.

³¹ «Bericht über die Zusammenkunft einiger Anthropologen in September 1861 in Göttingen zum Zwecke gemeinsamer Besprechung», erstattet von Karl Ernst von Baer und Rudolph Wagner, Leipzig, 1861, стр. 69.

³² Бэр приводит перечень этих диссертаций в своей «Автобиографии» (русский перевод, стр. 293).

³³ Укажем лишь некоторые из них: «Ueber doppelte Missgeburten», «Mém. de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», VI-me Série. Sciences mathém. et phys., t. III, 1-e part., № 2 (1835); «Ueber doppelte Missgeburten oder organische Verdoppelungen in Wirbelthieren», «Mém. de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», VI-me Série, t. VI. Sciences naturelles, Anat. et physiol., t. IV. 1844, стр. 79—194; «Neuer Fall von Zwillingen, die an den Stirnen verwachsen sind, mit ähnlichen Formen verglichen», «Bull. de la classe physico-mathématique de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», t. III, № 8, стр. 113—128; «Os d'hommes gigantesques», там же, т. II, № 17, стр. 266—268. Список работ Бэра приложен к немецкому изданию его автобиографии с примечаниями к ним самого Бэра («Nachrichten über Leben und Schriften des Herrn Geheimraths Dr. Karl Ernst von Baer, mitgetheilt von ihm selbst». Veröffentlicht bei Gelegenheit seines fünfzigjährigen Doctor-Jubiläums am 29 August 1864 vor der Ritterschaft Estlands, St. Pétersburg, 1866). См. также в «Материалах для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знаний, преимущественно за последнее тридцатилетие (1850—1887), собранных Анатолием Богдановым», т. I, «Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. X. «Труды Зоологического отд. об-ва», т. 3, 1888. Список работ приведен в биографии Бэра, написанной проф. Штида (см. выше). Все эти списки, однако, не полны.

Мы упоминали уже о большой коллекции препаратов уродств, хранившейся в анатомическом собрании Академии. Много внимания уделил Бэр описанию и систематизации этой Петровской коллекции.

Интересны опубликованные Бэром материалы о живых «монстрах» (уродах), доставленных в свое время по указу Петра в Кунсткамеру, о судьбе этих людей, оставшихся при Кунсткамере вплоть до 40-х годов XVIII в.³⁴

Уже как директор анатомического кабинета К. М. Бэр немало потрудился, чтобы сделать его коллекции доступными широкому обозрению.

В целях популяризации антропологии Бэр опубликовал и ряд научно-популярных статей.

В вышедшей в 1850 г. книге «Русская фауна» помещена большая статья Бэра «Человек в естественно-историческом отношении»³⁵.

Мы указывали выше, что еще в 20-х годах Бэр задумал написать большую популярную книгу по антропологии, но издал лишь первую ее часть. Статья 1850 г. явилась как бы реализацией этого давнишнего замысла³⁶. В 1865—1866 гг. Бэр опубликовал в журнале «Натуралист» в виде серии статей работу «Место человека в природе или какое положение занимает человек в отношении ко всей остальной природе»³⁷. Эта работа посвящена в основном изложению взглядов Бэра по вопросу о происхождении человека и направлена против учения Дарвина. К критике этой работы, в которой отразилось идеалистическое мировоззрение Бэра, мы вернемся ниже при рассмотрении его общих теоретических положений.

Интересна малоизвестная статья Бэра «Антропология», помещенная в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами» (1862)³⁸. Термин антропология, пишет Бэр, имеет различное содержание. Он особо оговаривает, что философская сторона рассматривается в специальных философских статьях словаря и что его статья имеет целью «определить с естественно-исторической точки зрения особенности человека в отношении строения его тела. Бэр различает два рода признаков, отличающих человека от животных. Одни — «существенные, как он их называет, т. е. такие, которые «не свидетельствуют об особенном преимуществе и не обуславливают дальнейшего развития». Сюда относятся такие признаки, как выдающийся подбородок, ушная мочка, строение наружного носа и т. п. Другие, так называемые «существенные» отличия «составляют преимущества организма, без которых человек не был бы тем, чем он есть». Сюда относятся: 1) вертикальное хождение и связанные с ним многие особенности строения тела, 2) короткие челюсти, 3) органы голоса, 4) высшее развитие головного мозга (относительная его масса, строение). Из всех указанных отличий важнейшим и исходным является, по Бэру, высокая организация голов-

³⁴ «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. I, 1900.

³⁵ «Русская фауна или описание и изображение животных, водящихся в Империи Российской». Составил Ю. Семашко. Часть I, СПб., 1850. Статья Бэра — стр. 389—623.

³⁶ Необходимо подчеркнуть, что перевод этой работы с немецкой рукописи Бэра был выполнен неудовлетворительно, на что указывает сам Бэр в примечаниях к списку своих работ («Nachrichten über Leben und Schriften Karl Ernst von Baer», стр. 506). К сожалению, немецкий оригинал статьи среди рукописей Бэра, хранящихся в Архиве Академии наук СССР, не обнаружен.

³⁷ «Натуралист» (журнал естествоведения и сельского хозяйства), 1865, № 2 5, 19—24; 1866, № 9, 18, 22—24; 1867, № 1—3. Немецкий оригинал одной из статей («Mensch und Affen») хранится в Архиве Академии наук СССР, ф. 129, № 223.

³⁸ Этот словарь, издававшийся под общей редакцией П. Л. Лаврова, был закрыт после его ареста. Вышло всего 6 томов (5 томов на букву А и один том Е — Елиз.). Статья Бэра помещена в V томе (СПб., 1862). Бэр нигде не упоминает об этой статье в списке своих работ, хотя в словаре она помещена за его подписью. Указанием на эту статью, как и ряда других, автор обязан проф. Б. Е. Райкову.

ного мозга. «Я нисколько не сомневаюсь в том,— пишет Бэр,— что все прочие существенные отличия человека от млекопитающих (как-то: вертикальное положение и все, что им обусловлено) и даже некоторые несущественные признаки — все зависит от высшей степени развития головного мозга человека». Основной вывод Бэра: «телесные различия между человеком и прочими животными, во всяком случае, очень значительны; они такого рода, что человеку обеспечили развитие, невозможное для животных».

II

Излагая содержание отдельных работ Бэра, мы в той или иной степени касались его теоретических положений. Нам предстоит сейчас рассмотреть в целом его взгляды по вопросу о происхождении человека и по вопросу о происхождении человеческих рас. Этому надо предпослать хотя бы краткое изложение воззрений Бэра по общим проблемам биологии³⁹.

Вопрос об отношении Бэра к эволюционной теории вызвал в литературе длительную и острую дискуссию. Тогда как одни считают Бэра в числе последовательных эволюционистов, другие видят в нем одного из непримиримых противников дарвиновского учения. Столь кардинально различные оценки взглядов Бэра объясняются в значительной степени тем, что взгляды эти не оставались неизменными на протяжении его научного пути, и тем, что мировоззрение его было весьма противоречиво.

Ранние работы Бэра, в том числе оставшиеся неопубликованными рукописи его докладов, относящиеся к первым годам его научной деятельности, показывают нам Бэра как трансформиста, который не только признавал постепенное развитие животного мира, но не делал в этом отношении исключения и для человека. Позднейшие работы Бэра обнаруживают более ограниченное толкование им процесса эволюции. В своем известном сочинении «Об истории развития животных» (1828)⁴⁰ Бэр развивает учение о четырех основных типах животных и говорит об эволюции форм только в пределах типа. В своих работах последующих лет он еще более сужает рамки, в которых признает изменяемость форм. Но идее об изменяемости форм, о превращении родственных форм со временем в самостоятельные виды Бэр остается верен на протяжении всей своей научной деятельности.

Разбирая вопрос о происхождении родственных видов животных, Бэр в своей работе «О папуасах и альфурах» писал: «Я не могу отказаться от мысли, что многие формы, которые сейчас действительно при размножении держатся разобщенно, только постепенно пришли к такому разобщению и первоначально составляли один вид»⁴¹. И далее: «Я думаю, что распределение животных делает вероятным, что и многие такие виды, которые теперь держатся и размножаются обособленно, первоначально не были разделены, что таким образом из вариаций, в систематическом значении, произошли специфически различные виды»⁴². Именно эту

³⁹ Сколько-нибудь подробное изложение общебиологических взглядов Бэра увело бы нас слишком далеко от нашей темы и выходит, конечно, за рамки настоящей статьи, посвященной специально его антропологическим работам.

⁴⁰ «Ueber die Entwicklungsgeschichte der Tiere. Beobachtung und Reflexion», Bd. I, Königsberg, 1828. II том вышел в Кенигсберге в 1837 г., а III том, где излагается развитие человеческого зародыша, был издан посмертно в 1888 г. Русский перевод этого знаменитого труда Бэра был издан лишь в 1950 г. Академией наук СССР (К. М. Бэр История развития животных. Наблюдения и размышления, т. I, ред. акад. Е. Н. Павловского, комментарий проф. Б. Е. Райкова. Изд. АН СССР, 1950; т. II, 1953).

⁴¹ «Über Papuas und Alfuren», стр. 342.

⁴² Там же, стр. 343.

работу Бэра и имел в виду Дарвин, когда писал: «Бэр, пользующийся таким глубоким уважением зоологов, приблизительно около 1850 г. (см. «Zoologisch-Anthropologische Untersuchungen» проф. Рудольфа Вагнера, 1861, стр. 51) выразил убеждение, основанное главным образом на законах географического распространения, что формы, в настоящее время «совершенно различные, происходят от единой прародительской формы»⁴³.

Бэр признавал передачу по наследству вновь приобретенных признаков, признаков, возникающих под действием внешних условий: климата, характера пищи и т. д.

Положение об определяющей, формообразующей роли внешней среды Бэр последовательно проводит во всех своих работах. Это положение является центральным и в его трактовке проблемы происхождения человеческих рас. Более того, здесь истоки и того географического детерминизма, который характеризует, как мы увидим, взгляды Бэра на историю человеческой культуры.

Бэр придавал большое значение данным палеонтологии в решении вопроса о генетических связях отдельных форм и видел в палеонтологических фактах подтверждение учения о трансформации, теории изменчивости видов.

Напомним, что Энгельс называет Бэра в числе тех авторов, которые подготовили почву для учения Дарвина. «...К. Вольф произвел в 1759 г. первое нападение на теорию постоянства видов, провозгласив учение об их развитии. Но то, что было у него только гениальным предвосхищением, то приняло более конкретные формы у Окена, Ламарка, Бэра и было победоносно проведено ровно сто лет спустя, в 1859 г., Дарвином»⁴⁴.

В 1859 г. вышел в свет труд Дарвина «Происхождение видов». Бэр, который в своих работах развивал эволюционные идеи, который своими исследованиями нанес серьезный удар теории постоянства видов, книгу Дарвина встретил резко критически. Во-первых, Бэр расходился с Дарвином в понимании границ эволюции. Он признавал превращение родственных форм только «для отдельных видов одного рода» или «для близко стоящих родов». Во-вторых, и это самое основное,— Бэр категорически возражал против теории эволюции, исходящий из мелких изменений случайного характера.

Бэр выступил с полемическими статьями против дарвинизма⁴⁵, который, как писал Бэр, «не признает никаких целей, только слепую необходимость». Бэр полемизировал с теми, кто отрицает всякую телеологию, и защищал принцип «целеустремленности» (Zielstrebigkeit), заложенной в самой природе⁴⁶.

«И я убежден,— писал Бэр в последние годы своей жизни,— что все, что в природе есть и происходит, произведено и производится силами природы и материей. Но эти силы природы должны быть взаимно направлены. Силы, которые не направлены к цели, слепые силы, как обычно выражаются, не могут, как мне кажется, создать ничего упорядоченного»⁴⁷.

⁴³ Чарльз Дарвин, Соч., т. 3, Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 268.

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 483—484.

⁴⁵ «Zum Streit über den Darwinismus». Aus der «Augsburger Allgemeinen Zeitung». Dorpat, 1873; «Ueber Darwins Lehre, Reden gehalten in wissenschaftlichen Versammlungen und kleineren Aufsätze vermischten Inhalts». Von Dr. Karl Ernst von Baer, Zweiter Theil. Studien aus dem Gebiete der Naturwissenschaften, St. Petersburg, 1876, стр. 235—480.

⁴⁶ См. работы Бэра: «Ueber den Zweck in den Vorgängen der Natur», Erste Hälfte. Ueber Zweckmässigkeit oder Zielstrebigkeit überhaupt. Studien aus dem Gebiete der Naturwissenschaften, стр. 49—106; «Ueber Zielstrebigkeit in den organischen Körper insbesondere», там же, стр. 170—234.

⁴⁷ «Zum Streit über den Darwinismus», стр. 9.

«Высшая ступень целеустремленности в организмах — это сам общий жизненный процесс. Но этот последний не может происходить без постоянного воздействия внешней среды. Таким образом, во всей природе я нахожу целеустремленность, опосредствованную необходимостью. Необходимость же можно свести к материи и к ее силам. Но сама материя и ее силы должны быть отмерены определенной мерой, ибо иначе они вообще не могли бы вести к всеобщей цели»⁴⁸.

Эклектическое сочетание идеалистического принципа «целеустремленности в природе» с признанием решающей роли внешней среды в развитии организма — таков один из источников тех противоречий, тех колебаний, которые характерны для мировоззрения Бэра.

Это очень ясно сказывается и в его взглядах на происхождение человека. Человек в естественно-историческом отношении, человек, рассматриваемый с зоологической точки зрения, принадлежит к животному миру — таков исходный тезис Бэра. Но, принадлежа по устройству своего тела к млекопитающим, обнаруживая с ним и сходство в строении ряда органов и систем, человек и в своей телесной организации существенно отличается от животных. Мы изложили выше статью Бэра «Антропология», где он подробно рассматривает этот вопрос. В другой своей статье Бэр писал: «Один человек организован для отвисного стояния и отвисного хождения, и этим отличается весьма резко от всех млекопитающих. Он выигрывает оттого преимущество владеть совершенно свободно руками. А потому у него рука приноровлена к весьма разнообразным движениям и к хватанию предметов более, чем у всякого другого животного. Уже из этого мы можем заключить, что человек по своей организации назначен для работы, т. е. для приготовления и употребления всякого рода орудий»⁴⁹.

Бэр отмечает наибольшее сходство человека с обезьянами, особенно высшими обезьянами, указывает на близость их в устройстве руки — в способности противопоставления большого пальца⁵⁰; но видит непроходимую пропасть между ними в духовной жизни человека. «Духовное различие гораздо больше телесного... человек по своим духовным способностям гораздо далее отстоит от животных, нежели по устройству тела, ...он принадлежит совершенно другому миру, можно сказать, или совершенно другой сфере, хотя он и не может отречься от животной природы до тех пор, пока живет на земле», — писал Бэр⁵¹.

«Если бы меня спросили, каковы мои убеждения по этим вопросам, то я ответил бы: до тех пор, пока я смотрю на человека только глазами зоолога, я вижу в нем лишь прямоходящее животное с сильным развитием мозга, и я могу для всего (человеческого) рода предполагать только один исходный пункт. Но когда я соображаю, что человек обладает языком, вышедшим из внутренних задатков и побуждений (влечений), которые делают его способным выражать не только свои чувства — как у животных, но и свой опыт и свои суждения; когда я вообще вижу, что именно эта способность языка воспитывает и духовно образует человека; когда я взвешиваю, что богатство мышления Платона, Аристотеля еще и теперь пробуждает новые мысли, что песни Гомера и теперь говорят человеческому сердцу; когда я узнаю, что изолированные народы односторонне развивают то, что унаследовано через язык для духа и сердца, но что соприкосновение и смешение народов, хотя оно часто вначале бывает болезненно, развивает разнообразие задатков; когда я принимаю во внимание, что вечные идеи права и истины все более получают всеобщую значимость и что народ, у которого они теряют свое господство,

⁴⁸ «Zum Streit über den Darwinismus», стр. 15.

⁴⁹ «Место человека в природе», «Натуралист», 1865, стр. 50.

⁵⁰ Статьи: «Антропология», стр. 15; «Über Papuas und Alfuren», стр. 340.

⁵¹ «Место человека в природе», стр. 343.

скоро уничтожается другими народами; когда я вижу, что величайшее преимущество человека перед остальными творениями, его религиозная потребность, ведет его, несмотря на все колебания, к более благородным формам социальных отношений и к более возвышенному воззрению на принцип всякого бытия, — тогда мой взгляд становится совсем иным. Тогда развитие человека делается в моих глазах (особой) целью...»⁵².

Итак, человек принадлежит к животному миру и не принадлежит к нему. Это — противоречие, которое выступает во всех работах Бэра и разрешить которое он так и не смог. Но такова судьба не одного Бэра. Вспомним Бюффона, который лучше, чем кто-либо другой из его современников понимал огромное сходство в строении человека и обезьян и который вместе с тем, исходя из различий в умственной деятельности человека и животных, не видел возможности перекинуть мост между ними. Вспомним знаменитый спор Уоллеса с Дарвином. Главным образом в психической жизни человека, в его духовных особенностях Уоллес видел, как известно, непреодолимое препятствие к тому, чтобы согласиться применить теорию Дарвина и по отношению к человеку. Разрешение этого противоречия, из которого не находили выхода крупнейшие естествоиспытатели прошлого, было дано только в трудах классиков марксизма: человек происходит от животных, человек связан с ними ближайшим родством и то, что принципиально отличает человека от животных — его социальная жизнь, его умственная деятельность, — есть новое качество, возникшее в процессе развития⁵³. Но Бэр эту коллизию разрешить не сумел, и это определило противоречивость его позиции и глубокие заблуждения в трактовке вопроса о происхождении человека. Когда Бэр подчеркивает сходство в строении человека и животных, когда он аргументирует свое основное положение о превращении видов, когда он высказывается в том смысле, что к человеку, рассматриваемому с естественно-исторической точки зрения, применимы те же законы природы, что и к животным, Бэр открывает все возможности связывать человека и по происхождению с животным миром. Но сам он занимает в этом вопросе антиматериалистическую позицию.

В своей работе «О папуасах и альфурах», касаясь вопроса о том, в каких пределах можно допустить превращение форм, и отвергая возможность первичного зарождения (*Urzeugung*), Бэр писал: «Если я, однако, потому что мне непонятно первичное зарождение, захочу принять превращение так далеко, что также и человека буду мыслить происшедшим от других животных, а последних далее от монады, то я, мне кажется, нагроможу целую кучу непознанных и непонятных тайн»⁵⁴.

Позиция Бэра в вопросе о родословной человека — позиция в лучшем случае агностика. И истоки этих взглядов — в общем мировоззрении Бэра, в его противоречивой и идеалистической, как мы уже указывали, трактовке общих факторов эволюции. Происхождение человека от обезьян Бэр отрицал.

Рассматривая взгляды Бэра по этим вопросам, следует различать: 1) его аргументы, основанные на данных анатомии, палеонтологии и других естественных наук, 2) его аргументы, идущие от его общих философских воззрений, согласно которым человек отделен от животного мира непроходимой гранью, и общие законы природы недостаточны для того, чтобы понять его происхождение.

Критикуя взгляды Гексли на происхождение человека, Бэр решающий аргумент видел в отсутствии палеонтологических доказательств, в отсут-

⁵² «Über Papuas und Alfuren», стр. 345—346.

⁵³ См. об этом: Я. Я. Рогинский, Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XVI, 1951.

⁵⁴ «Über Papuas und Alfuren», стр. 344.

ствии переходных форм между высшими обезьянами и человеком. «Чтобы можно было верить именно в преобразование обезьян в человека, нужно было бы найти обезьян, которые по телу составляли бы переходную форму, а в духовном отношении некоторое усовершенствование в культуре. Но этого я не нахожу нигде», — писал Бэр⁵⁵. «До сих пор открытые ископаемые остатки человека не ведут нас ближе к той обезьяновидной начальной форме»⁵⁶.

В 1865 г. Бэр несправедливо упрекал Дарвина в том, что он не касается в своем труде (речь идет о «Происхождении видов») вопросов происхождения человека. «Дарвин не упоминает в своей книге о человеке, и именно это обстоятельство указывает на слабость его гипотезы, ибо, если бы она была основательна, — писал Бэр, — то прилагалась бы ко всем животным»⁵⁷.

В 1871 г. вышла в свет работа Дарвина, посвященная происхождению человека. Бэру следовало определить свое отношение к этой работе, и он выступил со статьей «К спору о дарвинизме»⁵⁸.

В этой статье, написанной в полемическом тоне, очень резко, в форме вопросов и ответов⁵⁹, Бэр специально рассматривает вопрос о происхождении человека от обезьяны. «Книга Дарвина о происхождении человека, — пишет он, — меня не убедила. Я и сейчас не могу понять, каким образом человек мог произойти с течением времени от обезьяноподобного животного. Мое сомнение в этом очень просто. Когда я рассматриваю обезьян, они представляются мне всегда организованными для жизни на деревьях, человек, напротив, для прямохождения по твердой земле. Мне могут сказать: обе способности развились лишь на протяжении времени путем приспособления. Но к чему (к какому образу жизни. — М. Л.) должна была быть организована гипотетическая исходная форма, поскольку ведь очевидно, что все животные предназначены к определенному образу жизни? Были ли это лазящие животные, некоторые изюмки которых, охваченные идеями прогресса, в течение тысяч и миллионов лет лазали по деревьям, пока их задние конечности получили подходящую форму для вертикального хождения? Я скорее мог бы еще себе представить, что та исходная форма была плантиградской, некоторые потомки которой под действием пищевых стимулов перешли к жизни на деревьях, где были их пищевые запасы, и что от них произошли наши «опустившиеся двоюродные братья» («Verbummelten Vettern»), как называют обезьян. Однако могут спросить, зачем ты вообще мучаешься вопросом о том, как жила исходная форма примата (Urprimat). Достаточно признать, что она существовала, чтобы объяснить происхождение человека. На это я возражу: возможно, для того объяснения это необходимо; я же не могу представить себе, чтобы мог возникнуть и развиваться такой живой организм, который не был бы изначально организован для какого-либо определенного образа жизни, возможного на земле»⁶⁰. Мы привели эту пространную цитату, так как она раскрывает основное содержание метафизических взглядов Бэра по вопросу о происхождении человека. Мы не будем приводить выдержек из других его работ по вопросу об отношении человека к обезьянам; они в общем повторяют его основное положение о том, что «небольшая степень сходства, которую нельзя отрицать, в немногих словах основывается только на том, что

⁵⁵ К. М. Бэр, Место человека в природе, стр. 434.

⁵⁶ Там же, стр. 432.

⁵⁷ Там же, стр. 431.

⁵⁸ «Zum Streit über den Darwinismus».

⁵⁹ Когда читаешь эту полную азарта, яркую по изложению статью, невольно изумляешься, вспоминая, что она написана человеком, которому уже за 80 лет и который вынужден из-за почти полной слепоты диктовать свои работы.

⁶⁰ «Zum Streit über den Darwinismus», стр. 4—5.

человек организован для отвесного, а обезьяна для полуотвесного положения, и вследствие именно такой организации обезьяна приспособлена для жизни на деревьях»⁶¹.

Утверждая, что «гипотеза о происхождении человека из семьи обезьян естественно-исторически неосновательна»⁶², Бэр развивал глубоко реакционную идею. Было бы неправильно обходить эту и другие ошибки Бэра или во что бы то ни стало подыскивать им оправдания⁶³. Бэр в своих теоретических взглядах был очень далек от истинного, материалистического понимания природы.

В литературе можно найти высказывания о том, что Бэр в вопросах происхождения человека стоял на креационистских позициях⁶⁴. Это неверно. Правда, защитники этого взгляда могут привести несколько цитат из работ Бэра, которые как бы подтверждают их позицию. Но дело не в отдельных формулировках, не в нескольких цитатах, а в позиции Бэра в целом. Бэр в ряде своих работ ясно определяет свое отрицательное отношение к креационизму.

В работе «О папуасах и альфурах» (1859) Бэр, касаясь вопроса о первичном зарождении животных, специально оговаривает: «Я употребляю слово первичное зарождение (*Urzeugung*), так как понятие «сотворение» (*Schaffen*), как продукция только абсолютной воли, без естественной необходимости или естественной закономерности, совершенно не научно и так же и не естественно-научно»⁶⁵.

На склоне лет, полемизируя с Дарвином, развивая принцип «целестремленности в природе», Бэр определенно высказывается против идеи творения. Наивно, писал он, видеть в разнообразии и совершенстве органических форм искусство творца, дело создателя (*Werk des Schöpfers*). Бэр, упрекая сторонников Дарвина в том, что они отошли от признания «целей в явлениях и вещах» (*von den Zielen der Vorgänge und Dinge*), разделяет сам взгляд тех, кто «исключает творца из игры»⁶⁶. И еще раз он пишет об этом в статье «Об учении Дарвина»: «Натуралист как таковой не имеет права верить в чудо, то есть в отмену законов природы, потому что его задача состоит именно в отыскании законов природы; то, что лежит вне их, для него не существует. Поэтому, мне кажется, натуралист не имеет права признавать вмешательства высшей силы»⁶⁷.

В 1897 г. в Регенсбурге вышла объемистая книга профессора философии Бюрбургского университета Штельцле, посвященная мировоззрению Бэра⁶⁸. С усердием и эрудицией, достойными лучшего применения, этот немецкий профессор стремится изобразить Бэра как человека верующего, как ученого, работы которого чуть ли не подкрепляют церковные догмы, как человека, постепенно пришедшего к признанию высшей силы, творца вселенной. Но и этот воинствующий церковник вынужден признать, что у Бэра он не нашел удовлетворительного (с его, конечно, точки зрения) ответа по вопросу о происхождении человека. Бэр, пишет Штельцле, отрицает животное происхождение человека не из религиозных соображений, а как натуралист. В связи с неустойчивостью религиозного мировоззрения Бэра, с его колебаниями от теизма к пантеизму, от пантеизма к агностицизму он и по вопросу о происхождении человека не дает определенного решения. Штельцле пишет об этом с сожалением, как о заблу-

⁶¹ «Место человека в природе», стр. 434.

⁶² Там же.

⁶³ Тенденция, к сожалению, сказывающаяся в работах проф. Б. Е. Райкова о Бэре.

⁶⁴ Вопрос об отношении Бэра к религии многократно подымался в литературе. Этой теме мы здесь не касаемся.

⁶⁵ «Über Papuas und Alfuren», стр. 340—341.

⁶⁶ «Zum Streit über den Darwinismus», стр. 10.

⁶⁷ «Über Darwins Lehre», стр. 422.

⁶⁸ «Karl Ernst von Baer und seine Weltanschauung». Von Dr. Remigius Stölzle, Professor der Philosophie an der Universität Würzburg, Regensburg, 1897, стр. 687.

ждении ученого. Не требуется, пожалуй, лучшего аргумента, чтобы показать несостоятельность оценки Бэра как креациониста.

По вопросу о древности человека на земле Бэр высказывался в различных своих работах⁶⁹. В целом Бэр держался мнения, что человек появился на земле поздно; к этому времени многие животные, в том числе некоторые млекопитающие, уже вымерли. Мнения тех исследователей, которые исчисляют древность человека сотнями тысяч лет, лишены, по Бэру, всяких оснований. Лежащие в основе такого взгляда исчисления древности человека по глубине залегания ископаемых остатков в речных наносах Бэр считал произвольными, иллюзорными. От датировки древности человека он воздерживался. Есть все основания думать, что в этом случае осторожность Бэра была тенденциозной.

Специальные вопросы классификации человеческих рас не занимают в работах Бэра большого места. По всему своему научному складу Бэр не был систематиком. Он критически относился к различным классификациям человеческих рас. В разногласиях антропологов по вопросу о количестве выделяемых рас он видел один из доводов в пользу видового единства человечества. «На какую ценность может претендовать выделение человеческих видов (*Menschen-species*), если один антрополог принимает их 3, другой 5, или 15, или 16. Разве познание человеческого рода будет продвинуто от того, что к нему будет приложена внешняя форма зоологической системы, без внутренних условий этой внешней формы»⁷⁰.

«Мне кажется, — писал Бэр в другом месте, — что вообще сейчас значительно меньше потребность в классификациях, для чего материал слишком скуден, чем в получении обоснований руководящих воззрений»⁷¹.

К основным «руководящим воззрениям», к основным теоретическим вопросам антропологии Бэр относил в первую очередь вопрос о факторах возникновения расовых различий. Уже в своих ранних работах (см. выше) Бэр проводил мысль о том, что как физические особенности, так и культурные различия разных племен определяются географическими условиями, сложившимся в результате воздействия внешней среды. Это положение Бэр последовательно развивал в дальнейшем в целом ряде своих работ; оно непосредственно связано с его воззрениями моногениста. Под внешними условиями Бэр подразумевал не только климатические факторы, особенности местности, но и характер пищи. Для преобразующих воздействий этих условий на организм человека требуется очень длительное время. Раз сложившиеся особенности физического типа удерживаются очень долго и в иных внешних условиях. «Нигде, насколько я знаю, — писал Бэр, — изменения не стали настолько полными, чтобы отчетливо не выступал первоначальный характер (тип. — М. Л.). Европеец в Америке не приобрел строения лица американцев, не наблюдается здесь заметных схождения в результате влияний на протяжении более чем трех столетий». Но отсюда, указывает Бэр, нельзя вывести заключения, как это делают некоторые антропологи, что расовые особенности вообще не изменяются⁷².

«Если тело народа однажды развилось известным образом, то для его изменения нужно относительно долгое время, причем явственно борются две противоположные силы: а) наследственные свойства, которые в де-

⁶⁹ Этого вопроса он касается в статьях: «Über Papuas und Alfuren»; «Über Flüsse und deren Wirkungen»; «Reden... und kleinere Aufsätze». Zweijter Theil; «Über Darwins Lehre» и др.

⁷⁰ «Über Papuas und Alfuren», стр. 340.

⁷¹ «Über einen alten Schädel aus Mecklenburg», пол. 348.

⁷² «Beiträge zur Kenntniss des russischen Reiches», т. IX, стр. 261—262.

тях стремятся к развитию, если не всегда, то по большей части, до такой степени, как были у родителей, и б) действие внешних условий, которые, если в известном случае и не действуют прямо на тип народа, то стремятся к его преобразованию и постепенно его изменяют, по мере развития в последующих поколениях.

Без сомнения, это изменение происходит в некоторых странах медленнее, чем в других»⁷³.

В своей работе «О древнем черепе из Мекленбурга» Бэр касается частного, но важного для нашей темы вопроса — о влиянии условий жизни в горах на изменение формы головы. Он считал вероятным, что жизнь в горах ведет в ряде поколений к увеличению высоты и связанному с этим укорочению черепа⁷⁴.

Мнение о связи брахикефалии с горными районами получило, как известно, довольно широкое распространение в антропологической литературе. Бэр был в свое время осторожен: сопоставляя известные ему факты, он пришел к выводу, что вопрос не может быть еще решен и требует дальнейших исследований.

Следует специально отметить мысль Бэра о том, что физический тип древнего человека был более пластичен, более подвержен преобразующему влиянию внешних условий⁷⁵. Эти древние люди по своему облику отличались от современных. Касаясь этого вопроса, Бэр писал: «Конечно и мы не можем сказать, какую наружность имели первые люди, но во всяком случае есть положительные причины думать, что они не были вполне сходны ни с одним из существующих ныне племен и что в сравнении со всеми этими племенами они были менее благородно или человекообразно организованы»⁷⁶. Изменение физического типа Бэр ставил в связь с развитием культуры. Он склонялся к мнению, что уровень умственной деятельности народа находит свое отражение в форме черепа, что в свою очередь обусловлено развитием головного мозга — его лобной и теменной долей⁷⁷. Это было очень широко распространенное тогда заблуждение. Но, разделяя глубоко неправильный взгляд о непосредственной связи формы черепа с деятельностью мозга, Бэр исходил из положения об изменчивости физического типа, об изменчивости формы черепа. Даже когда он писал о различиях в культуре народов разных рас, он не считал эти различия коренными и неизменными.

В вопросе о происхождении человеческих рас Бэр был, как мы выше указывали, убежденным моногенистом. Штельцле — автор уже упоминавшейся книги о Бэре — пишет о трех этапах в развитии взглядов Бэра по этому вопросу. Первый этап — до 1851 г. — Штельцле оценивает как период, когда Бэр порой высказывался в пользу моногенизма, порой оставлял вопрос открытым. Второй этап, падающий на 1851 г., характеризуется работой Бэра «Человек в естественно-историческом отношении», в которой он четко формулирует свои моногенистические взгляды. И, наконец, последний этап — после 1851 г. — время, когда Бэр занимает, по Штельцле, колеблющуюся позицию, считает вопрос подлежащим дальнейшему изучению. Такая «периодизация» взглядов Бэра не только узкоформальна, но и по существу неверна. Бэр был и на протяжении всей своей научной деятельности оставался на позициях моногенизма. Если в той или иной работе он оговаривает недостаточную изученность вопроса и призывает к дальнейшим исследованиям, если он порой готов признать долю истины в аргументации своих противников, то здесь сказывается та характерная для Бэра осторожность, которая нередко граничит у него

⁷³ «Человек в естественно-историческом отношении», стр. 480—481.

⁷⁴ «Über einen alten Schädel aus Mecklenburg», пол. 351.

⁷⁵ См. об этом в статье «Человек в естественно-историческом отношении».

⁷⁶ Там же, стр. 469.

⁷⁷ «Über einen alten Schädel aus Mecklenburg», пол. 349—350.

со скептицизмом. Но эти черты, пожалуй, в меньшей степени проявляются именно в его взгляде на происхождение человеческих рас. Мы кратко изложили выше содержание доклада Бэра «О происхождении и распространении человеческих рас» (1822), где он развивает идею об едином происхождении человечества, о расселении его из единого центра. Очень ясно сформулированы моногенетические взгляды Бэра в его статье «О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества» (1848)⁷⁸.

Подробно рассмотрен этот вопрос и в работе Бэра «О папуасах и альфурах» (1859)⁷⁹.

Аргументация Бэра в пользу моногенизма сводится к следующему: видовое единство человечества доказывается всей совокупностью естественно-исторических данных. Современное человечество, с точки зрения зоологической систематики, представляет собой один вид. Те различия, которые наблюдаются между современными расами, не изначальны, а возникли вторично в результате влияния внешних условий. Данные языкознания говорят в пользу моногенизма. Различия в культуре разных племен сложились под воздействием географической среды.

Моногенизм Бэра не был моногенизмом библейского толка. «Мной, — писал Бэр, — вовсе не владеет потребность вывести всех людей от единой пары»⁸⁰. Бэр принимал единый центр происхождения человека, рассматривал человеческие расы как единый вид, отнюдь не исходя из догм церкви.

Бэр как ученый, развивавший концепцию моногенизма, имеет в литературе своих предшественников. Он сам не раз называет имя Притчарда как автора, который выводил все человечество из единого корня и доказывал, что различия между человеческими расами возникли в результате влияния различных внешних условий и образа жизни, характера пищи⁸¹. Но Бэра было бы неправильно рассматривать как последователя Притчарда или других современных Притчарду авторов. Во-первых, основные свои взгляды по вопросу об едином происхождении человечества Бэр сформулировал еще, как указывалось, в работе 1822 г., т. е. задолго до выхода в свет сочинений Притчарда, Холла, Катрфажа и других защитников моногенизма середины прошлого века⁸². Во-вторых, Бэр оригинален в своей аргументации моногенизма, которая покоится на его взглядах об изменяемости форм в животном мире.

Выступая как последовательный противник полигенизма, доказывая несостоятельность аргументов своих противников, Бэр главное острое своей критики направлял против современных ему американских антропологов — воинствующих защитников концепции полигенизма. Полигенизм в США получил широкое распространение с 1840-х годов, когда

⁷⁸ «Карманная книжка для любителей земледения, издаваемая от Русского географического общества, 1848 г.», СПб., 1849, стр. 197—235.

⁷⁹ В этой работе Бэр, правда, оговаривает, что законы животного мира могут быть приложены к человеку только, если рассматривать его с естественно-исторической точки зрения, что человек в целом, человек, одаренный духовной жизнью, стоит, возможно, вне этих законов, что поэтому аргументы единства происхождения человечества, почерпнутые из аналогий с животным миром, могут оказаться для человека недостаточными. Но весь ход построений Бэра, вся его аргументация направлены к доказательству моногенизма, и сделанные им оговорки не могут заслонить от нас этой его направленности. В этой работе Бэр писал: «Я не в состоянии признать специфические (видовые. — М. Л.) различия между людьми, пока мне не покажут хвостатых людей или подобные различия, и, если современные племена (расы. — М. Л.) взаимно плодотворны, то я позволю себе, по крайней мере, спросить, что же представляет собою тогда собственно самостоятельный вид» («Über Papuas und Alfuren», стр. 345).

⁸⁰ «Über Papuas und Alfuren», стр. 346.

⁸¹ Книга Притчарда «Естественная история человека» вышла в Англии в 1839 г.

⁸² Историю вопроса о моногенизме и полигенизме в антропологии см. в указанной выше работе Я. Я. Рогинского «Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека».

идеологи рабовладения мобилизовали расовую теорию для борьбы с аболиционистами, для обоснования «естественных прав» людей белой расы на господство над неграми. Американский антрополог Мортон, его последователи Нотт и Глидтон — авторы вышедшей в 1854 г. книги «Типы человечества» — развивали концепцию полигенизма, чтобы с этих позиций доказывать расовую неполноценность негров.

Выступая против американских антропологов, Бэр не только отвергал их антропологическую аргументацию, но и показывал общественно-политическую сущность их теории. Бэр писал: «В Европе нет такого народа, который подвергался бы в историческое время стольким смешениям, как британский народ. Первобытные обитатели, кельты, римляне и римское войско, с его пестрою смесью народностей, а позднее англо-саксы и норمانы слились, за исключением немногих горных округов, в одну народность, так как народ, стесненный пределами острова, не может легко выселяться оттуда. Из этих людей целые отряды переселяются в Америку, сталкиваются там не только с туземцами, но и с переселенцами из других стран Европы, в особенности из Франции и Испании, которые уже сами по себе характеризуются весьма смешанным населением. В эту массу из года в год принимаются немцы и ирландцы, включаются краснокожие из целых областей и в течение столетий ввозятся негры из Африки...

Не странно ли в высшей степени, что именно в этой стране англо-американский народ, язык которого, отказавшийся почти от всех грамматических форм, свидетельствует о глубоком смешении, возвещает нам громко и настойчиво: человеческие племена не могут смешиваться, но на веки остаются разделенными? И это учение исходит от людей, которые не могут знать, течет ли в них больше крови первобытных британских обитателей, кельтов или германцев. В некоторых странах Европы это учение нашло, правда, приверженцев (в то время), но только благодаря своей резкости и еще потому, что Америку считали наиболее авторитетной в вопросе о несмешиваемости народов. Однако мы знаем, что потомство бриттов и негритянок не упрочивалось лишь в силу этических соображений и что отсюда делались поспешные обобщения, которые противоречили всем производившимся до сих пор опытам. Эти обобщения едва ли встретили бы сочувствие, если бы они не служили единственно опорой учения о множественности видов человеческого рода. Не есть ли такое воззрение, столь мало соответствующее принципам естествознания, измышление части англо-американцев, необходимое для успокоения их собственной совести? Они оттеснили первобытных обитателей Америки с бесчеловечной жестокостью, с эгоистической целью ввозили и порабошалали африканское племя. По отношению к этим людям, говорили они, не может быть никаких обязательств потому, что они принадлежат к другому, худшему виду человечества. Я ссылаюсь на опыт всех стран и всех времен: как скоро одна народность считает себя правою и несправедливо поступает относительно другой, она в то же время старается изобразить эту последнюю дурною и неспособною и будет высказывать это часто и настойчиво»⁸³.

Наш очерк антропологической деятельности Бэра был бы неполон, если бы мы, хотя бы кратко, не коснулись вопроса о влиянии его работ на последующее развитие антропологической науки в России. Понятно, что открыто враждебная позиция Бэра по отношению к теории происхождения человека от антропоморфных обезьян не могла стать основой для дальнейшего развития теории антропогенеза в России, равно как и его убеждение, что природа есть воплощение наперед заданных скрытых целей.

⁸³ «Bericht über die Zusammenkunft einiger Anthropologen...», 1861, стр. 23—24.

Цит. по переводу в книге Ранке «Человек», т. 2. СПб., 1900, стр. 294—295.

Иную судьбу имели его работы в области краниологии и расоведения. Мы указывали уже, что работы Бэра по антропологии курганного населения явились исходными для исследований А. П. Богданова, с именем которого связан целый большой этап в развитии отечественной антропологии. Получили продолжение в России и другие антропологические работы Бэра⁸⁴. Разработанная им краниологическая методика легла в основу всех дальнейших краниологических работ как в России, так и за рубежом. Известно, что работа Бэра «О папуасах и альфурах» пробудила в Миклухо-Маклае особый интерес к Новой Гвинее, что это исследование Бэра определило в очень большой степени план и программу антропологических работ Миклухо-Маклая как на Новой Гвинее, так и на Филиппинских островах и на Малакке.

Вернемся в связи с этим снова к изложению работы Бэра. Каково содержание терминов «папуасы» и «альфуры»? Этот вопрос в то время, когда Бэр писал свою работу, был очень неясен. Тщательнейшим образом проанализировав все имевшиеся в литературе сведения — сообщения путешественников, мнения антропологов, Бэр пришел к выводу, что в населении Новой Гвинее следует различать два типа: один, распространенный преимущественно на западе Новой Гвинее, — собственно папуасы, другой во внутренних районах острова — альфуры. Проследивая распространение этих типов и за пределами Новой Гвинее, Бэр развивает следующую гипотезу: население Меланезии относится к двум расам: одна из них — австралийская, другая — сходная с негрской расой Африки. Ко второй расе принадлежат папуасы. Альфуры, сближающиеся в целом с австралийцами, отличаются от них своими курчавыми волосами. Тип альфуров сложился, по Бэру, в результате смешения австралийского и папуасского типов. Но это только гипотеза, подчеркивает Бэр, гипотеза, нуждающаяся в проверке, в серьезных исследованиях, требующих организации специальной экспедиции.

Такая экспедиция и была предпринята Н. Н. Миклухо-Маклаем.

Работа Бэра увлекла Миклухо-Маклая не только своими специальными антропологическими проблемами. Моногенизм Бэра, его взгляды на видовое единство человечества, связывали для Миклухо-Маклая эти специальные вопросы с высокими задачами борьбы за равенство человеческих рас, за права угнетенных колониальных народов.

Когда Миклухо-Маклай в 1869 г. представил в Географическое общество проект организовать на Новую Гвинею экспедицию, которая наряду с зоологическими и географическими задачами имела бы целью «разрешение антропологических и этнографических вопросов», К. М. Бэр своим авторитетом поддержал ходатайство молодого ученого⁸⁵. Во время своих путешествий Миклухо-Маклай находился в постоянной переписке с Бэром. Ему он слал свои первые отчеты, с ним делился своими первыми наблюдениями⁸⁶. Указаниями Бэра руководился Миклухо-Маклай, предпринимая свои путешествия на Филиппинские острова, на Малакку. Рассмотрение всех тех вопросов в антропологических исследованиях Миклухо-Маклая, которые стоят в связи с работами Бэра, увело бы нас слишком далеко. Но и сказанного достаточно, чтобы вспоминать имя Бэра, когда мы оцениваем великие заслуги Миклухо-Маклая перед нашей наукой.

⁸⁴ См. Д. Н. Анучин, О древних деформированных черепах, найденных в России, «Изв. Об-ва любителей естествознания», т. I, 1887.

⁸⁵ Хотя Бэр и предостерегал Миклухо-Маклая, указывая на грозящие ему опасности (см. Н. Н. Миклухо-Маклай, Собрание сочинений, т. III, часть первая, М., 1951, стр. 50).

⁸⁶ Об этом Миклухо-Маклай неоднократно пишет в своих дневниках и специальных антропологических статьях (см. Собр. соч., т. I, II, III).

III

Антропологические работы Бэра имеют, как мы уже указывали, в значительной степени и историко-этнографический характер. Интерес к этнографии проявился у Бэра уже на первых этапах его научной деятельности. Некоторые из ранних его докладов, прочитанных в научных обществах Кенигсберга, посвящены этнографическим темам⁸⁷. Этнографические интересы Бэра с большой полнотой проявились после его приезда в Петербург. Россия с ее многонациональным населением, Петербургская Академия, еще в XVIII в. прославившаяся своими этнографическими исследованиями страны, Академия, где задолго до Бэра проводили свои этнографические работы Крашенинников, Паллас, Лепехин, Георги и другие выдающиеся ученые и путешественники, представляла благоприятную почву для развертывания этнографических интересов Бэра.

Этнографическая деятельность Бэра была связана, помимо Академии наук, с Русским географическим обществом. В 1845 г. Бэр выступил одним из инициаторов организации этого общества и был, повидимому, одним из авторов поданной министру внутренних дел Л. А. Перовскому докладной записки «Об основании Русского географо-статистического общества»⁸⁸. В этой записке, сформулировавшей задачи и программу Общества, особо подчеркивается его роль в популяризации научных знаний и одна из основных задач Общества определяется как «распространение в отечестве нашем, вместе с основательными географическими сведениями, вкуса и любви к географии, статистике и этнографии»⁸⁹. Этнография здесь понимается широко, как «познание разных племен, обитающих в нынешних пределах государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковедения, как в нынешнем, так и в прежнем состоянии народов»⁹⁰. На первом собрании членов Общества 7 октября 1845 г. Бэр был назначен «управителем» отделения этнографии и руководил им до 1848 г.⁹¹ В своем докладе, зачитанном в Собрании Русского географического общества 6 марта 1846 г.⁹², Бэр писал: «Если б богатый человек, желая оставить прочный памятник своей любви к наукам и к России, спросил меня, что ему сделать для этого, — я ответил бы: доставьте возможность исследователям России в течение нескольких лет составить полное этнографическое описание нынешнего населения ее и дайте средства издать подобное описание. Этим вы оставите по себе сочинение, которое никогда не может быть изменено и улучшено и с коим будут справляться самые отдаленные потомки, так как ныне мы ищем сведений в творениях Геродота и вообще в первых литературных произведениях народов... Запасы для работ этнографических уменьшаются с каждым днем вследствие распространяющегося просвещения, которое сглаживает различия племен. Народы исчезают, и остаются одни имена их. История открытия Сибири показала много имен народов, которые уже не существуют. Некоторые племена близки к уничтожению, например ливы и кривинги»⁹³. Хотя небрежение к физическим и нравственным различиям разных племен ведется издавна, и вследствие того память о них теряется, но еще есть многое в этом отношении, что могло бы быть собрано и что с течением времени уменьшится, а наконец и вовсе

⁸⁷ См. выше стр. 108.

⁸⁸ См. об этом: Н. Н. Степанов, Русское географическое общество и этнография (1845—1861), «Советская этнография», 1946, № 4.

⁸⁹ Л. С. Берг, Всесоюзное географическое общество за сто лет, М.—Л., 1946, стр. 34.

⁹⁰ Там же, стр. 33.

⁹¹ Вторично Бэр стоял во главе отделения в 1859—1860 гг.

⁹² Опубликовано в «Записках Русск. географ. об-ва», кн. I, 1846, стр. 93—115; имеется второе издание 1849 г.

⁹³ По предложению Бэра акад. Шегрен совершил в 1846 г. поездку для изучения ливов и кривинтов.

исчезнет. Все сведения, кои еще возможно соединить, составляют сокровище, которое с течением времени возрастает в цене»⁹⁴.

В этнографических материалах видит Бэр важнейший источник для восстановления жизни далекого прошлого народов. «Этнография нашего времени,— указывает он,— представляет современные племена в живой картине того положения, в коем находились другие народы, давно исчезнувшие, но о коих сохранились еще неясные сказания... Сравнительная этнография описывает в настоящем те отношения, о коих история повествует, когда они уже прошли... Но кроме всеобщих сведений о разных степенях просвещения, подобное знание разных народов новейшего времени весьма важно для вывода общих заключений там, где чувствуется недостаток в собственных исторических данных. Все, что народ сохранил от прошедшего, может повести часто к весьма важным заключениям»⁹⁵. Этнография и история тесно связаны друг с другом: «...история человечества имеет два рода данных: одни,— собранные на камне, пергаменте и бумаге, и другие, составляющие часть настоящей жизни народов»⁹⁶. «Действительно, история, по крайней мере история просвещения, и этнография часто заимствуются одна от другой и в основаниях своих составляют одну и ту же науку»⁹⁷. Важную задачу этнографической науки Бэр видит и в том, что она, давая описания различных народов, помогает нам судить «об изменяющей силе природы», помогает выяснить роль внешних условий в формировании культуры. Этнографическая наука, говорит Бэр, имеет и практическое значение, надо изучать жизнь народов, ибо «политика теперь более, чем когда-либо нуждается в познании особенностей племенных»⁹⁸. Бэр всячески ратует за собрание предметов быта, за организацию этнографических собраний. «Составлены целые собрания египетских редкостей и употреблены на это миллионы... но я сомневаюсь, что где-нибудь сохранили русскую балалайку, хотя через столетия настоящая балалайка будет большой редкостью»⁹⁹. Стоя во главе анатомического кабинета Академии, где были тогда сосредоточены и этнографические коллекции, Бэр энергично содействовал пополнению и организации этнографического собрания. В 1848 г. он выступил в Географическом обществе с предложением «Об устройстве при Обществе собрания этнографических предметов»¹⁰⁰. Во всей стране, писал Бэр, существует только одно этнографическое собрание — при Академии наук. Необходимо торопиться с организацией других этнографических музеев. В проектируемом музее, по мнению Бэра, должны найти свое место и археологические, и антропологические коллекции. Здесь должны быть представлены хорошие портреты типических лиц, бюсты, слепки; для этнографического музея должны быть собраны образцы одежды, украшений, утвари, оружия, памятники искусства и т. д. Бэр и в дальнейшем, как мы видели, уделял большое внима-

⁹⁴ Цит. по 2-му изданию, стр. 64—65. Эту же мысль Бэр повторил в отчете о Геттингенском совещании антропологов. «Когда цивилизация уничтожит или вберет в себя эти естественные племена, то без сомнения все немногое, что еще удалось найти относительно их социальных условий и внутренней душевной жизни,— все это будет считаться за драгоценнейшие жемчужины науки. Тогда с трудом будут понимать, как в наше время люди науки и правительства потратили громадные суммы на исследование растений и животных в далеких странах, на измерения гор и на магнитные наблюдения — и так мало потрудились над изучением и сохранением для потомства данных о жизни народов» (приведено по Холодковскому, Карл Бэр, его жизнь и научная деятельность, 1893, стр. 67).

⁹⁵ «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности», «Записки Русск. географ. об-ва», кн. I и II, изд. 2-е, 1849, стр. 71.

⁹⁶ Там же, стр. 72.

⁹⁷ Там же, стр. 71.

⁹⁸ Там же, стр. 73.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ «Географические известия, выдаваемые от Русского географического общества», 1848, вып. 2, стр. 35—43.

ние делу антропологического и этнографического музейного собирательства.

В 1839 г. Бэр вместе с акад. Гельмерсеном предпринял издание при Академии наук «Материалов к познанию Российского государства»¹⁰¹. В первой книге, которой предпослано большое предисловие Бэра, напечатаны статистические и этнографические материалы по русским владениям в Америке, собранные бывшим управителем этих владений адмиралом Врангелем, извлечения из дневника морского путешествия Андрея Глазунова, этнографические материалы Вениаминова по алеутам и ряд других. Этнографические и историко-этнографические статьи занимают значительное место и в последующих выпусках этого издания. Некоторые из них принадлежат самому Бэру¹⁰², они относятся преимущественно к Сибири, которая всегда интересовала его, но где побывать ему не пришлось.

Мы указывали уже на роль Бэра в организации экспедиций Кастрена, Миддендорфа, Шренка и других экспедиций, так обогативших науку этнографическими материалами. В этом несомненно заслуга Бэра, не только содействовавшего организации экспедиций, но и принимавшего прямое участие в составлении программ их работ¹⁰³. В 40-х годах молодой венгерский ученый Антон Регуль предпринял поездку к вогулам и остякам с целью изучения языка и культуры этих народов, лингвистически близких к венграм. Бэр проявил очень большую заботу о молодом ученом, всячески содействовал ему, информировал в печати об отдельных этапах его путешествия.

Еще в начале своей деятельности в Русском географическом обществе Бэр выступил с предложением подготовить сводный труд по этнографии — «возможно полное описание различных племен, населяющих Россию»¹⁰⁴. Этот замысел не был тогда осуществлен. В 1862 г. в Петербурге вышел роскошно изданный и богато иллюстрированный том «Этнографическое описание народов России», написанный членом Географического общества Паули¹⁰⁵. Эта книга далеко не отвечала тем задачам, которые ставил в свое время Бэр. Изданная на французском языке, эта книга и по своей цене (200 руб.) не могла быть доступна широкому читателю. Но в какой-то степени она удовлетворяла острой потребности в сводной этнографической работе. Бэр предпослал этой книге предисловие, где дает обзор всех ранее вышедших сводных работ по этнографии России, останавливается на истории издания известного труда Георги, на этнографических картах, говорит о важности сводных этнографических работ. К книге Паули Бэр в виде приложения дал таблицы краниологических типов¹⁰⁶.

¹⁰¹ «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens» (вышло 23 выпуска).

¹⁰² «Neueste Nachrichten über die nördlichste Gegend von Sibirien, zwischen den Flüssen Pjasside und Chatanga, т. IV, стр. 163—198; «Nachrichten aus Sibirien», т. VII, стр. 41—272, и др.

¹⁰³ «Proposition pour le voyage de Mr. de Middendorff en Sibérie» (Бэр, Брандт, Ленц, Шеррен и Мейер), «Bull. de l'Acad. des sciences de St. Pétersbourg», т. IX, стр. 276—282; Instructionen für den Dr. v. Middendorff zu seiner Reise nach Sibirien v. Baer, Brandt, Lenz und Meyer redigiert von dem ersten), «Bull. de la classe physico-mathématique de l'Acad. imp. des sciences», т. I, № 12, стр. 177—185; «Rapport adressé à la classe par la commission chargée à diriger les travaux de l'expédition de Sibérie», там же, т. III, № 4, стр. 56—60; «Nachträgliche Instruction für Herrn Magister Castren», там же, т. III, № 5, стр. 78—80, и др.

¹⁰⁴ Об этом на основе архивных материалов сообщает И. И. Степанов («Советская этнография», 1946, № 4, стр. 191).

¹⁰⁵ Descriptions ethnographiques des peuples de la Russie. Par T. de Pauly. Publiées à l'occasion du jubilé millénaire de l'empire de Russie, St. Pétersbourg, MDCCCLXII.

¹⁰⁶ Черепа (украинца, шведа, волжского татарина, калмыка, эскимоса) изображены в трех нормах: спереди, сбоку и сверху.

Теоретические положения Бэра в области этнографии, его взгляды по вопросу о факторах исторического процесса с наибольшей полнотой изложены им в работе: «О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества», относящейся к 1848 г.¹⁰⁷ Основной фактор исторического процесса он видит в определяющей роли географических условий: «судьба народов определяется наперед и как бы неизбежно природою занимаемой ими местности»¹⁰⁸. Зависимость культуры от характера географической среды проявляется, по Бэру, на всех этапах развития человечества. «Конечно, человек снабжает себя с помощью врожденного искусства нужными ему орудиями; но место его жительства должно доставлять ему материал, на котором он мог бы упражнять и развивать свое искусство. Природа дала ему руку, орудие чудное, с которым не могут сравниться конечности других животных; она вдохнула в грудь его влечения разного рода, одарила его голову способностью соображения; но она бросила его в мир без оружия, без природного щита — в этом отношении самое беспомощное из всех животных, — как будто хотев сказать ему: ищи и найдешь. И он начал искать, и нашел — но не везде одно и то же»¹⁰⁹. В этих строчках, очень важных для оценки общих взглядов Бэра на природу человека, мы хотим подчеркнуть его мысль о зависимости человека от природных ресурсов той или другой местности. Эту мысль он развивает далее: «Человек пользуется производительными силами природы, но создать их, умножить или уменьшить он не может. Производящие же силы и вещества распределены частью равномерно, частью неравномерно. Неравномерно распределены преимущественно вода и теплота. Человек может переносить с собою отдельные произведения природы, но не дождь и не лучи солнца. А так как органические тела могут плодиться только при известном содержании дождя и солнечного света, то от распределения этих деятелей зависит главнейшее развитие физическое, а затем и общественное процветание народов, из жизни же отдельных народов слагается история человечества»¹¹⁰. Основной тезис Бэра гласит, что «в физических свойствах местности как бы заранее определена судьба народов и целого человечества; но осуществляют и развивают эту судьбу, конечно, только врожденные человеку стремления и способности»¹¹¹.

И в цитируемой работе Бэр развивает мысль о том, что человечество едино по своему происхождению, что различия между народами возникли в дальнейшем в ходе их исторической судьбы. «Нет причины думать, чтобы различные народы сотворены были каждый отдельно. Гораздо с большим основанием можно предполагать, что разнообразие их произошло из различных влияний климата, пищи и общественного быта. А характер общественного быта зависит, если не исключительно, то весьма много от физического характера страны, и можно сказать, что вообще разности, замечаемые в человеческом роде, произошли от различия физических условий местности»¹¹². Взгляды Бэра об определяющей роли географических условий на развитие человечества близки к воззрениям

¹⁰⁷ «Карманная книжка для любителей земледелия, издаваемая от Русского географического общества, 1848», СПб., 1849, стр. 197—235. Напечатано также на немецком языке в «Reden und kleinere Aufsätze», Zweiter Theil, St. Petersburg, 1876, стр. 3—48.

¹⁰⁸ «О влиянии внешней природы...», стр. 210.

¹⁰⁹ Там же, стр. 211.

¹¹⁰ Там же, стр. 223.

¹¹¹ Там же, стр. 230.

¹¹² «О влиянии внешней среды...», стр. 226. В другом месте Бэр писал: «Без сомнения, различия народов зависят от племенных врожденных особенностей и от влияния природных условий их положения. При сем рождается вопрос, — писал автор, — те различия, которые мы почитали в народах коренными, не произошли ли сами вследствие вышеуказанного влияния особенностей природы и теперь только медленно сглаживаются» («Записки Русск. географ. об-ва, кн. I и II, изд. 2, 1849, стр. 70»).

Гумбольдта, Риттера, Гердера¹¹³. Применяя по отношению к истории общества, к развитию культуры свой крайний географический детерминизм, Бэр, который не сумел понять подлинные закономерности исторического процесса, механически переносит на человеческое общество то положение, которое он развивал по отношению к животному миру, когда в условиях внешней среды видел основной источник разнообразия форм.

Мы коснулись этнографической деятельности Бэра, поскольку она была связана с его антропологическими интересами. Они и определяли в значительной степени тот круг этнографических вопросов, которые привлекали его внимание. Этнография не занимала в научной деятельности Бэра того большого места, которое принадлежало антропологии.

В 1948 г. Бэра на посту руководителя этнографического отделения Русского географического общества сменил Н. И. Надеждин. Отражая интересы русского образованного общества того времени, руководимое Надеждиным этнографическое отделение направило свое основное внимание на изучение этнографии русского народа. В дальнейшем прогрессивная русская этнография, испытавшая влияние Чернышевского, Добролюбова, ставила себе новые задачи. И в этих условиях этнографическая деятельность Бэра, который и по своим политическим взглядам далеко стоял от революционного крыла русской науки, не могла не оказаться вне основного русла отечественной этнографии.

¹¹³ См.: Н. А. Холодковский, Указ. соч.; Н. Н. Степанов. Указ. соч., Э. Л. Радлов. К. М. фон Бэр как философ. Первый сборник памяти Бэра, Л., 1927.